

Ноора слышит лишь свое дыхание. Она бежит так быстро, что рискует выбиться из сил, однако при этом ощущает полный контроль над ситуацией. Уж она-то знает, на что способна. Не стоит останавливаться. Инстинкты говорят Нооре, куда бежать, ей только остается время от времени ловить взглядом оголенные корни, чтобы не споткнуться, а в остальном можно полностью сконцентрироваться на дыхании, отдаться лесу. Чем дальше она бежит, тем больше обостряются чувства, тем сильнее она ощущает себя открытой, собой. Ноора досадует, что теперь до леса с его восхитительным воздухом, который так и хочется жадно глотать, придется долго ехать на машине. День едва начался: еще час назад воду покрывала утренняя дымка. Лишь в такое время можно по-настоящему побыть наедине с дикой природой. Вокруг ни души. Ноора сознательно убегает в такие уголки леса, куда никому и в голову не придет наведаться. Она с большим удовольствием проложит свой путь, чем выберет готовый. Совершая длинные пробежки, Ноора редко смотрит по сторонам, ее скорее захватывает свежесть воздуха, оглушает царящая повсюду зелень — сам лес, такой, каким он создан. Мох и ягель, кочки и заросли, то тут, то там тихо сохнут поваленные деревья. Мерцающий сквозь танцующие ветви солнечный свет делает все вокруг почти волшебным. Это настоящий лес, ничем не потревоженный. Растущий и гниющий одновременно.

Через полтора часа Ноора решает остановиться у Кейнумяки³ и измерить пульс. Показатели стабильны. Регулярные летние пробежки все-таки не проходят даром. Намечается жаркий день. Стоит остановиться — и тяга в туалет становится еще ощутимее. Ноора оглядывается по сторонам. Вокруг по-прежнему никого. Она могла бы тихонько пристроиться где-нибудь в зарослях и облегчиться. Ноора снова воровато осматривается. Точно никого? Она старается выровнять дыхание и, успокоившись, прислушивается. А вдруг поблизости кто-нибудь есть? Доносятся ли откуда-нибудь шаги? Ветер шелестит в листве, стволы деревьев потрескивают, соприкасаясь друг с другом, в остальном — тишина. Поблизости послышался едва заметный шорох. Какой-нибудь зверь? Иногда Нооре кажется, что лес — это живое существо, словно идущее за ней по пятам, затаив дыхание. Бегая на пределе сил по лесным тропинкам, Ноора иногда представляет, как лесные обитатели прячутся по норкам, едва почуяв ее присутствие, и потом снова выползают: угроза миновала.

Совсем рядом закаркали вороны. Ноора никогда не питала особой любви к воронам или галкам. Слишком уж дерзко и самоуверенно они держатся, слишком неприятно, скрипуче звучат. Их мрачный иссиня-черный цвет ничего хорошего не сулит — особенно тому, кто оказался в лесу один. Судя по звукам, ворон довольно много. Ноора идет к ельнику. Мощные ветви гигантских деревьев то и дело преграждают путь, и она осторожно отодвигает их в сторону, стараясь не уколоть руки об иголки. Окончательно

³ Кейнумяки (*фин.* Keinumäki) — вышка для наблюдения за птицами на территории района Виикки (пригород Хельсинки).

убедившись, что никто не видит, Ноора спешно спускает штаны и садится на корточки. И тут она замечает. Снизу отлично видно то, что скрывали от ее глаз ветви деревьев и лесная зелень. Вокруг корней поваленного дерева кружит воронья стая. Птиц много, и все они будто стремятся подлететь к одной и той же точке. Мочевой пузырь пустеет, зато голова стремительно наполняется невеселыми мыслями. Что так сильно привлекло ворон? Кажется, они даже что-то поклевывают. «Не мое дело», — сразу решает Ноора, но любопытство уже проснулось. Преодолевая подспудное сопротивление, заинтригованная Ноора одевается и устремляется навстречу мрачновато торчащему из земли корневищу. Будто черная лапа разворошила рыхлую почву и уставилась на небо. Громадная ель повалена так, что корни ее, высвободившись, породили огромную земляную яму. «Надо же, какой погром устроило тут это дерево, а никто даже не услышал», — думает Ноора, подходя еще ближе.

Вороны продолжают надрывно каркать, но, увидев человека, немного сторонятся, хотя совсем скрываться не собираются. С интересом наблюдают за тем, как потная женщина в спортивном костюме подходит и с опаской наклоняется к земляной яме. Стаю разгоняет лишь пронзительный, истерический крик.

ХЕЙДИ

Хейди достает из кармана джинсов ключи и открывает машину. Утреннее солнце успело изрядно накалить оставленную на парковке жестянку. Хейди обессиленно

валится на сиденье, она мокрая от пота, так и пышет жаром. В полной тишине она неподвижно сидит, дожидаясь, когда прохладный воздух кондиционера zalьет весь салон и уже можно будет, наконец, сорваться с места. Подобно ручейкам пота, с Хейди испаряются остатки беззаботности. Каждая капелька на ее лице — свидетельство метаморфозы, порожденной воскресным звонком. Отпуск закончился днем раньше. Когда речь заходит об убийстве, никто не смотрит на выходные и праздники. И сегодня, на день раньше, Хейди вновь облачится в тяжелую броню, примерит полицейские доспехи. Она словно солдат проклятого взвода: кругом мертвецы, ни одно дело без них не начинается.

Прохлада постепенно заползает во все уголки салона, а вместе с тем потихоньку приобретенное в отпуске головокружительное чувство свободы словно вытесняется чем-то другим. Напористым желанием любой ценой раскрыть новое дело. Хейди боится? Да, боится снова позволить расследованию захватить все ее мысли и выжрать ее изнутри, оставив за собой труп. Кожуру, броню, еле-еле держащую ее на ногах. И все же, несмотря на грядущие бессонные ночи и кошмары наяву, Хейди чувствует воодушевление. Как так вышло? Да просто из головы начало выветриваться похмелье летнего расследования. Неопознанный труп в лесу? Пока мозг переваривает эту информацию, Хейди ощущает, что оживает. Говорят, тело было обнаружено в объятиях корневища свалившегося дерева. Сидя в машине с ревущим почти на максимуме кондиционером, Хейди жмет назад и наслаждается льющей отовсюду прохладой. Еще чуть-чуть — и холод окружит ее всю. «Надо же, столичные окрестности смахивают на село

куда сильнее, чем принято думать», — размышляет Хейди, проезжая мимо Ванхакаупунки⁴ с его красными кирпичными домами и бурлящим порогом. На полях Виикки пасутся коровы. Хейди притормаживает: она и так забралась достаточно далеко. Включает «поворотник», ненадолго сворачивает на обочину дороги. Где же лучше всего выйти? Хейди делает полный разворот и едет по Виикинтие в обратном направлении. По одну сторону красуются новенькие жилые районы, по другую — обширные поля. Где-то вдалеке темнеет лес. Хейди минует аукционный дом Хеландера и начинает двигаться в сторону поля. После Сяюняслахдение начнется бездорожье. Хейди доезжает до конца. Справа виднеются строения промзоны, слева выстроились биотуалеты и синеватые бараки. Впереди угадываются очертания довольно широкой канавы, вдоль которой идет песчаная дорожка. Не выходя из машины, Хейди гуглит карту заповедника Ванханкаупунгинлахти⁵, чтобы на глазок проложить предстоящий маршрут. Этот заповедник включает в себя, по крайней мере, бухточку Сяюняслахти со всеми ее тростниковыми зарослями, южную часть открытых вод, ольшаник в Порнайстенниemi, лес Мелюля, а также часть буйного тростника вблизи Ламмассаари⁶. Получается, труп нашли в заповеднике? Хейди

⁴ Ванханкаупунки (*фин.* Vanhakaupunki — Старый город) — место, на территории которого в 1550 году шведский король Густав Ваза заложил город Хельсинки. Позже город был перенесен.

⁵ Ванханкаупунгинлахти (*фин.* Vanhankaupunginlahti — залив Старого города) — морской залив, омывающий центральные районы Хельсинки с востока. Также крупнейший природный заповедник Хельсинки. Здесь можно наблюдать около трехсот видов птиц.

⁶ Ламмассаари (*фин.* Lammassaari — Овечий остров) — остров (хотя фактически скорее полуостров) в районе Ванханкаупунгинлахти. Популярное место для прогулок и наблюдения за дикой природой.

не уверена. Ванханкаупунгинлахти с его окрестностями куда обширнее, чем заповедная территория. Берега учебно-экспериментальной фермы Виикки⁷ получили здесь статус заповедных первыми, еще в 1959 году. Прочитав об этом, Хейди поднимает взгляд и через лобовое стекло любуется идиллическим видом. Побережье, Виикинранта, совсем рядом, а вдалеке, на водной глади морского залива, резвятся птицы. Ветви деревьев покачиваются на ветру, в небе кружатся галки. Старый смешанный лес. Хейди сверяет информацию в телефоне. Сяюняслаhti. Похоже, тело где-то в том районе. Хейди снимает машину с ручника и невозмутимо едет на северо-восток по песчаной тропинке.

Вскоре ей на глаза начинают попадаться первые удивленные и недовольные лица. Машина на песчаной дорожке? Воображение Хейди живо рисует, что именно прогуливающиеся хотят дать ей понять. *Укатывай отсюда, ненормальная!* Наверное, стоит пощадить ревностных блюстителей закона, с презрением взирающих на любого нарушителя. Хейди открывает окно и демонстративно устанавливает полицейскую «мигалку» на крышу автомобиля. *Пошевеливаемся, господа праведники, не загораживаем проезд.* Для закрепления эффекта Хейди слегка поддает газу. Обочины дороги цветут, и Хейди смотрит на желтеющие, качающиеся на ветру камышовые заросли. В конце путь зарослям преграждает пугающий лесной мрак. На обочине дороги установлена деревянная табличка: «Дендрарий, Хельсинкский университет». За считанные

⁷ Учебно-экспериментальная ферма Виикки (*фин.* Viikin oretus- ja tutkimustila) принадлежит университету Хельсинки и используется для исследований, проводимых на факультете сельского хозяйства и лесоводства.

секунды бескрайний простор сменяется густым, непроглядным ельником. Хейди сбавляет скорость.

Природный заповедник «Виикки-Ванханкаупунгинлахти» разросся более чем на триста гектаров. С трудом верится, что от этого богатого оттенками зеленого царства рукой подать до центра Хельсинки. Информационные стенды под зелеными деревянными козырьками украшают развилку и рассказывают прохожим о природных особенностях окрестностей. Скорая помощь все еще на месте, путь перекрыли два полицейских фургона. Оградительная лента защищает участок от любопытных глаз случайных прохожих. Хейди успела привыкнуть к прохладе автомобиля, а потому немного теряется, когда выходит наружу и чувствует на себе палящий жар солнца. Она тут же закидывает куртку на пассажирское сиденье. Под ногами шуршит песок. Походные ботинки приятно сидят на ногах и наводят на Хейди тоску по всем тем местам, где они служили на совесть. Лофотенские острова, Лапландия и Бад-Гастайн⁸ весной. Конечно, прекрасна и Финляндия, однако ей не тягаться с Норвегией или Альпами. Хейди задумчиво рассматривает тропинку, ведущую к вышке для наблюдения за птицами. Она уверенно погружается в лесную тьму.

Хейди четко описали, куда идти: от основного инфостенда тридцать метров по тропинке — и справа покажется белый тент. Она быстрым шагом направляется к указанному месту. К вынужденной встрече с мертвецом.

Во рту пересыхает. Окоченевший мертвец, совсем юноша, лежит в яме, направив стеклянный взгляд в небо.

⁸ Бад-Гастайн (*нем.* Bad Gastein) — австрийский курорт в ста километрах от Зальцбурга. Известен своими термальными источниками, а в холодное время года становится горнолыжным курортом.

Вокруг суетятся криминалисты, документируют каждую мелочь. Фотокамера щелкает, образцы аккуратно раскладываются по пакетикам. Дрон беззвучно снимает территорию сверху. Откуда-то издалека доносится шум большой дороги. Хейди молча разглядывает тело. Молодой человек не опознан. Руки сложены на груди. Медики подтвердили смерть — это, конечно, была формальность: глядя в пустые, тусклые глаза, сложно прийти к иному выводу. Хейди осматривает руки: ногти чистые, кожа ладоней тоже. Парень одет в серые брюки карго и черную толстовку с капюшоном, на ногах — черные кеды Vans; на земле, рядом с головой, лежит панама. Упала с головы. Хейди наклоняется рассмотреть ее поближе — вроде, чистая, — переводит взгляд обратно на голову: ни крови, ни следов удара. На рубашке под руками покоится увядший цветок. Какой — Хейди не знает, хотя рассмотрела его внимательно. Это не похоже на аварию или несчастный случай, да и версию с приступом можно отмести. Что же остается? Хейди дает взгляду немного поблуждать по стволам деревьев, раскидистым еловым ветвям и покрытой хвоями земле. От внезапной догадки по спине пробегает холодок. Как именно тело лежит. Где именно тело нашли. Тишина, царящая здесь повсюду. Парню явно помогли свести счеты с жизнью.

СААНА

На обратном пути Саана смотрит на небо, уткнувшись лбом в ледяное стекло иллюминатора. Начало смеркаться. Кажется, будто возвращение на родину вечером «жалеет»

пассажиров, смягчая контрасты: полутьма позволяет чуть-чуть пофантазировать, вообразить себе путешествие куда-то еще. Самолет кружит над неясным пейзажем, то тут, то там мелькают огоньки островов и непроглядная морская тьма. Саана думает, каково было бы сейчас приземлиться в другом городе — в Берлине, Ницце или Нью-Йорке, например? Нет, к сожалению, впереди неизбежно ждут аэропорт Хельсинки-Вантаа, такси и дом на Стуренкату.

Саана думает о грядущей неделе. Ей предстоит встреча с тетей Инкери: часть вещей осталась у нее в Хартоле. Саана провела там все лето и умудрилась ввязаться в расследование убийства, произошедшего несколько десятилетий назад. Подумать только, в июне она всего лишь хотела отдохнуть от работы, выпившей из нее все соки, и оправиться эмоционально. Целительное хартольское лето постепенно вернуло ей жизненные силы и вдохновило распутать загадочную смерть. Случай завел Саану в самый центр сложной и опасной паутины событий, которые сейчас, по прошествии времени, кажутся невероятными. Все собранные за лето материалы этой волнующей истории дожидаются ее в тумбочке тетиной гостевой комнаты. Записочки, заметки и пожелтевшие фотографии, интервью с хартольцами, распечатанные фрагменты газетных статей. Коротенькие, уже записанные заметки. Настало время собрать из летних событий сюжет. И хотя поездке в Лиссабон, вне всяких сомнений, удалось увести Саанины мысли подальше от убийств, подспудная работа над историей все же велась и новые идеи то и дело всплывали в голове сами собой. Можно сделать интересный подкаст о тайнах королевской общины Хартолы. В то же время пора бы заняться и поиском работы.

Саана поглаживает жестковатую, щетинистую щеку Яна. Он заснул, стоило им только оторваться от земли, а сейчас безмятежно сопит, опираясь головой о Саанино плечо. Самолет пойдет на снижение в любой момент, но будить Яна как-то рука не поднимается. Саана смотрит в окно, тихонько улыбаясь самой себе. Сизый пейзаж мало-помалу приобретает очертания Финляндии: лоскутное одеяло из воды и островков. Гущи темных лесов перемежаются со скромными огоньками городов — совсем еще крошечных, размером с игольное ушко. Едва Саана начинает определять знакомые места на побережье, как самолет уже кружит над не слишком знакомым Эспоо⁹ и все с трудом распознанные ориентиры вновь исчезают. Просыпается Ян.

Финляндия — малонаселенная страна. Это можно осознать лишь на контрасте, по возвращении из густонаселенной Центральной Европы, из городов, огням которых при снижении не видать конца и края. Аэропорт Хельсинки-Вантаа своим освещением точно никого не ослепит. Аккуратная взлетно-посадочная полоса, окруженная лесом. Автодороги с такой высоты похожи на тоненькие светящиеся провода, а вокруг них — непроглядная тьма. Поля виднеются даже в окрестностях столицы. Сегодня они снова возвращаются в эту тихую страну. Место, где из крана течет чистая вода и где так много правил. Страна, известная своей стойкостью и хорошим образованием. Любимая родина, чью красоту начинаешь ценить только тогда, когда уезжаешь. Кругом простор, свежий воздух,

⁹ Эспоо (*фин.* Espoo) — муниципалитет и второй по величине город в Финляндии. *Прим. ред.*

но вместе с тем и разговаривающие полупшепотом люди с кислыми лицами.

На секунду пассажиры задерживают дыхание — самолет громко выпускает шасси — и с облегчением чувствуют под колесами финскую землю.

26 АВГУСТА, ПОНЕДЕЛЬНИК, ЯН

Яну казалось, будто с дороги ему удалось подремать всего пару часов. Они с Сааной устало, немного заторможенно попрощались в такси и — каждый у себя — легли спать. Добравшись до подушки, Ян с ужасом подумал о том, что, вероятно, вообще не сомкнет глаз, и, конечно, оказался прав. Его начало клонить в сон лишь под утро, однако толку от этого не было никакого: в 6:15 звенит будильник. Ян сыплет в крепкий эспрессо немного коричневого сахара и массирует виски. Утро нового дня, Ян опять один, опять у себя и мыслями уже на работе. Проглотив кофе, он принимается расхаживать по квартире в поисках велосипедной экипировки, которую прямо перед отъездом куда-то задевал.

Пара километров на велосипеде — и свежий воздух выветривает из головы застоявшийся туман, проясняет спутанные от бессонной ночи мысли. Ян глубоко вдыхает ароматы бодрого финского утра и замечает среди них неявные сентябрьские нотки. Осенью пахнет уже сейчас, в остальном же смена сезонов никак пока себя не обнаруживает. На улице тепло. На работе Ян решает не заглядывать в душ и просто меняет спортивную футболку на джинсовую рубашку. Он рассеянно кидает одежду

на выцветший офисный диван, стоящий в углу, и проходит на кухню. Двухчасовая разница во времени между Лиссабоном и Хельсинки значит для Яна лишь одно: сегодня придется до вечера неустанно следить за собой, чтобы не скатиться в режим автопилота. Кроме того, сегодня все начнется заново. Яну предстоит познакомиться с новым начальством и войти в колею после отпуска. Он едва успевает заварить себе кофе и устроиться за рабочим столом, как краем глаза улавливает постороннее движение: к нему энергично кто-то направляется. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, кто именно. Начальница.

Йоханна Ниеминен кивает Яну и, обойдясь без рукопожатий, садится на краешек его рабочего стола.

— Йоханна Ниеминен, — говорит она.

— Ян Лейно, — представляется Ян.

— На этом, пожалуй, покончим с формальностями.

Я предпочитаю, чтобы меня называли Йоной.

— Ясно, — говорит Ян. — Ну, меня называют просто Яном, — произносит он с улыбкой и приветственно вскидывает руку. Йоханна Ниеминен, *Йона*. Это имя засело в подкорке еще в отпуске, когда Йоханна решила ни с того ни с сего ему позвонить.

— Времени на болтовню у нас нет. Только что планы на день резко изменились. В Хельсинки кое-что случилось, на месте нас уже ждут, — сообщает Йона. — Мое первое дело в этой должности. Уже вижу, как за моей спиной все с замиранием сердца ждут оглушительного провала, — посмеивается она, и Ян не понимает, шутка это или нет.

На ум, как назло, не приходит ничего остроумного, и Яну остается лишь молча разглядывать новую начальницу. Он не соглашается с ней, однако и не торопится

опровергать ее слова. Если верить первому впечатлению, то Йона из тех, кто сначала говорит нечто спорное, дабы спровоцировать собеседника на реакцию, а потом, если провокация проходит успешно и собеседник ударяется в соглашательство, она выворачивает свои же слова наизнанку и ставит незадачливого подхалима в неловкое положение. Ну, на первый взгляд.

— Для всех было бы выгоднее объединить усилия и работать в команде, разве нет? — говорит Ян, чувствуя себя политиком. Йона улыбается: видимо, оценила по достоинству его осторожность.

— Слышала, ты в числе наших лучших детективов. Для начальника ты многовато внимания уделяешь полевым работам, это да, но дела, которые были тебе вверены, с почетом доведены до конца. Согласно отчетам, у тебя очень высокий процент раскрываемости преступлений, — говорит Йоханна Ниеминен, покачивая правой ногой. На ней коротенькие кожаные полусапожки. — Ты человек действия. Понимаю, я сама на дух не переношу бумажную волокиту... и, положив руку на сердце, кофе тут тоже препоганый, — сообщает Йона, кивая на свою кружку.

Ян ухмыляется, когда понимает: из всех кружек Йона взяла себе именно ту, что с «Симпсонами». Он сидит как на иголках, чувствуя на себе изучающий взгляд, однако изо всех сил пытается держаться непринужденно, даже несколько небрежно.

— Сто, — произносит Ян, глядя начальнице прямо в глаза. Ему известно, что процент раскрываемости тех дел, предварительное следствие по которым велось под его руководством, — сто.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

